

УДК 811.512.162

Л. АЛИЗАДЕ,

*кандидат филологических наук, доцент
Института архитектуры и строительства Азербайджана (Баку)*

ОСОБЕННОСТИ АЛЛЕГОРИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В творчестве азербайджанских поэтов средних веков особенности аллегории реализуют себя со всей тонкостью манеры изображения и высказывания. Поэтические фигуры, система символов и индиферентный характеризуют творческие достоинства таких поэтов, как Насими, Авхади, Хатаи, Физули и др. Подтекстовое, внутритекстовое понятие, оттенки выражения мысли каждой художественной фигуры заключают в себе различные трактовки, символы. Именно в этом ключе, обращая внимание на аллегорические фигуры самой сложной конструкции, художественное изображение и средства выражения в творчестве гениального поэта Физули, необходимо быть особенно бдительным и внимательным.

Ключевые слова: поэт, Насими, Авхади, Хатаи, Физули, аллегория, философ, стихотворение.

Известно, что вместе с реальным содержанием должна приниматься во внимание сторона воплощения абстрактно-индифферентного, романтико-божественного, духовно-нравственного момента каждого поэтического высказывания, являющегося продуктом художественного мышления поэтов и мыслителей. В произведениях Насими, Авхади, Хатаи, Физули есть воплощающие панорамные картины, социальные пейзажи жизни в целом, есть свой почерк, принципы выражения и отражения реальности. Так, в этой поэзии были сосредоточены и выражены трудности жизни, жизненные страдания, ход истории, общенациональной судьбы и, в конечном итоге, – единое, целое «Я». Например, Физули в борьбе со своим периодом, жизнью и смертью, в своем поэтическом диалоге всю напряженность, сомнения доверяет и поручает именно этому «Я». Как зеркало собирает в своем фокусе солнечный свет, так и зеркало души «Я» Физули способно вобрать в себя всю печаль мира, является носителем этих страданий.

Подобное сжатие и обобщение реальной материи, жизненных фактов приводит к многослойности, многокомпонентности стилей описания и выражения, методов повествования и высказывания поэта. В этом отношении наша классическая поэзия, а также классическая поэзия Востока в целом представляет собой творческий мир, требующий ключа и шифра для полноценного анализа. Его система поэтических образов, символы индифферентных и метафор, мир атрибутов дают значительный материал для исследования глубоких и заставляющих задуматься творческих достоинств аллегорий Физули. Вопросы творчества Физули в указанном аспекте рассматривали Г. Араслы, Ф. Касумзаде, М. Кулизаде, Мир Джалал, А. Рустомова, и др. [5–9]. Однако указанные проблемы должны сегодня характеризоваться и с современных позиций развития человеческой цивилизации.

Должно быть понятно, что в нашей национальной классической поэзии в целом и у Физули в частности сила как поэтической детали или поэтической фигуры, так и поэтического текста в целом заключается в его трудности, сложности, в невозможности охвата одним взглядом, восприятия одним чувством. Великий турецкий поэт Назим Хикмет, говоря, что «Физули – самый тонкий из лириков и самый глубокий из философов», наверно, под-

разумеває як раз эту сторону вопроса, намекает на то, что тонкость и глубина имеют ценность для читателя при чтении. Физули определяет цель и сущность, очарование и красоту, тонкость и глубину, его естественные размеры, причем не поверхностное значение, а масштабы глубины смысла. Например, предположим, что, если мы не будем знать о смысловых слоях таких понятий, как *пири – муган (предводитель)*, *saqi – саки (виночерпий, связующее звено, посредник между любящим и любимой.)*, *теу-вино (вино божественной мудрости)*, *şat – шам (свеча горящая во время радений)*, *yar (возлюбленная)*, *aşiq (возлюбивший Аллаха, суфий)*, *теукэдә – теуханә (место сбора суфиев)*, *hüsn – хусн (красота)*, *eşq – эшг (любовь)* и др., восприятие поэзии Физули станет намного сложнее.

Считаем важным связать сказанное с еще одним показателем смысла поэзии Физули. Известно, что классическая поэзия Азербайджана родилась в контексте Востока, сохраняя свою национальную самобытность, образовалась и сформировалась на основе принципов поэтики восточной поэзии. Восточная мифология, исламские учения и постулаты, исторические и легендарные герои Востока, наконец, общая для всего Востока по охвату периода и времени историческая судьба являются общими источниками, связывающими нашу классическую поэзию с арабской, персидской а также тюркоязычной классической поэзией. Современное физиуведение рассматривает религиозные воззрения, а также суфизм в лирике поэта не в качестве излишнего элемента или же фрагмента, а объясняет и комментирует все это как систему, органичную составную часть художественной выразительности его поэзии.

Согласно верному замечанию выдающегося азербайджанского литературоведа Яшара Караева, «система символики, присущая мистицизму, суфийскому мышлению и этике, разработанные и возвысившиеся до уровня совершенства традиции и модели, входят в кладезь художественности. Все это возвышается до вершины постижения истины в творчестве Физули [2]. Полагаем, что главная особенность аллегории в творчестве Физули очень точно и верно подчеркнута в данной мысли.

В этом контексте проблематика «Особенности аллегории в творчестве Физули», которую мы избрали в качестве темы исследования, на самом деле представляет собой обобщенное выражение светских взглядов, человеческих чувств, различных мнений и отношения поэта к времени и обществу. Уже было подчеркнута, что подтекстный, намекающий смысл значим для творчества Физули в целом. Однако все это в цикле его аллегорических произведений в эпическом виде появляется и реализуется в совершенно другой форме. Известно, что поэзия и поэтика Физули, мир его героев и образов, даже структура и композиционная техника в целом совершенна, богата символами и знаками, многосторонними иносказаниями, аллегорическими трактовками.

Иносказательно-метафорический арсенал, аллегория басни, намекающий, скрытый, тайный язык, проявляющийся в пределах определенной сюжетной композиции в построенных и задуманных в исключительно аллегорическом плане поэмах гениального поэта «*Söhbətül əsmar*» – «*Сохбатул-асмар*» («*Беседа илодов*»), «*Vəngü Vadə*» – «*Бангу-баде*» («*Гашиш и вино*»), «*Həft – cam*» – «*Хефт джам*» («*Семь чаш*»), «*Saqınatə*», прозаическом произведении под названием «*Səhhət və Məraz*» – «*Саххат ве мераз*» («*Здоровье и болезнь*»), а также в касидах «*İt və pişik*» – «*Собака и кошка*», «*Fəzliyə nəsihət*» – «*Наставление Фазли*», по мере возникновения, в определенные моменты, реализует себя посредством исключительных художественных свойств, поэтической логики, стилистических отенков и глубоких чувственно-эмоциональных интонаций в лирике, в том числе и в «*Leyli və Məsnun*» («*Лейли и Меджнуне*»), в творчестве в целом [1, с. 19].

Как и в диванах, в «*Söhbətül – əsmar*» («*Беседа плодов*») и «*Vəngü – Vadə*» («*Гашиш и вино*») мишенью для критики являются не выдающиеся бревна в своем глазу, зато замечательные соринку в чужом, замкнувшиеся в своем ограниченном мирке, не выдающиеся дальше носа своего, сделавшие себе занятием очернение добра и обеление зла. Занимающие высокое место в обществе и живущие не по личным качествам, а славой отцов и дедов, по роду и происхождению является врагами развития и прогресса»... и пр. [3].

В указанной работе ученый наряду с анализом пристрастия Физули в произведении «*Vəngü – Vadə*» («*Гашиш и вино*») к гашишу и анализом критических высказываний о вине, высказывает отношение и к соображениям о вине в «*Həft – cam*» («*Семь чаш*») и «*Rindü* –

Zahid) («Весельчак и аскет»): в произведении резко критикуется и разоблачается пристрастие к гашишу, а также распушенность и потрясения, порождаемые им в семье и быту, тяжелое воздействие на человеческое здоровье; все это находится под пристальным вниманием поэта. К примеру, Физули расхваливает прекрасную музыкальную беседу, так же воспекает и вино, виночерпий и мейхану. Этой теме уделяется широкое место в газетях «*Haft – cam*» («Семь чаш») и «*Rindü – Zahid*» («Весельчак и аскет»), и не случайно.

На самом деле это было связано с пропагандой у Физули и в восточной поэзии в целом светских тенденций, свободы мысли и свободы вероисповедования, это, все в сущности, было направлено против аскетизма, отшельничества. «Великий французский востоковед Дармстетер показывал, что вино в восточной литературе является мятежом религиозных догм против природы ума. Для поэта пьющий вино представляет собой символ освободившегося человека» [3].

В азербайджанском литературоведении аллегорическое творчество Физули, как правило, анализировалось и исследовалось на основе «*Bəngü Badə*» («Гашиш и вино»), «*Söhbətül əsmar*» («Беседа плодов»), «*Haft cam*» («Семь чаш») и «*Səhhət və Məraz*» («Здоровье и болезнь»). В этих исследованиях говорится о том, что в «*Bəngü Badə*» («Гашиш и вино») на переднем плане находится власть, «реальная жизненная позиция государственных и бытовых вопросов, медицинско-биологических взглядов, в «*Səhhət və Məraz*» («Здоровье и болезнь») же воплощены условные аллегорические образы, то же – в «*Yeddi cam*» («Семь чаш»), где в значительной степени отображены пантеистические моменты суфийской аллегории, мистицизма.

Указывается на фактическое выражение за иносказательностью, в рамках суфийско-мистических рамок, жизненных взглядов поэта. Именно с этой точки зрения можем сказать, что в азербайджанском литературоведении к творчеству Физули (в целом) и в частности к его аллегориям отношение было иным.

Как и в других поэмах поэта, обращение к саки-виночерпию, являющееся популярным в классической поэзии, собеседование с ним, разделение с ним своей беды, прошение милосердия составляет здесь вступительную часть всех глав. Однако сюда Виночерпий вступает не как посторонний элемент, пришедший со стороны, как обрамление, а как основной участник, член группы, составная часть истории. Мир событий, нахождение в кругу музыкальных инструментов, в плену музыки волей-неволей сделало участие в истории Виночерпия необходимым, естественным явлением.

Во вступлении поэт говорит очень похвальные слова о Виночерпии, Вине, Застолье. Эти названия обращают на себя внимание символически-метафорическим значением, вне зависимости от своей одушевленности или неодушевленности. Претендует на то, что знает обо всем в мире, побывал на каждом застолье, но не видал нигде застолья лучше, чем застолье с вином; поэт говорит чуть ли не о подчинении мирского времени бокалу, говорит о необходимости искать каждую тайну не в движении звезд, на небесах, а именно в «семи чашах», в проведении в каждый день недели в застолье.

*Müti əst dövrən bə dovri qədəh,
Zi dovri qədəh cüy daim fərəh?...
Zi seyri kəvakib, məşov təlɣkam,
Məcu cüz meyi – cam əzin həft cam...*

Перевод:

*Знай, что это мир крутится в кругу чаши,
В кругу бокала ты найдешь веселье!...
Рассматривая небеса, не смущай себя,
Отдай душу этим семи полным вина чашам!...[2]*

Поэт требует от виночерпия-саки вина. Однако это требование не из разряда требований на оргиях, и это вино – не обычное вино. Здесь цель заключается не в желании наслаждения, есть иная сущность. При этом автор отмечает свое восхождение от уровня обычной жизни и отношений до небесных высот, подчеркивает необходимость возвышения нравственного мира до этого духовного мира. Необходимо отличать требуемое поэтом вино от обычного вина, от прямого значения этого слова, а также от корня. При этом мы становимся свидетелями постоянного обращения мастера, поэта к философским изыс-

сканьям, глибоким раздумьям и миру мудрости. В обращении к саки Физули так озвучивает сущность своего поэтического сердца:

*Bə Saqiyyə – gülrux işarət nümay,
Rəhi bəstərə bər dili mən guşay!*

(Дай слово виночерпию тому прекрасному, чтоб любовь свою распространял,
Душа моя пусть откроет пути, доселе закрытые пред тобой) [2]

Разумеется, здесь речь идет не об обычном вине, которое шариат признает грехом, которое опьяняет человека, «уносит его разум», а о духовном вине, мышлении, мысли, мире чувств, особом вкусе. Говорилось о «возвышающем душу», «открывающем путь в мир приличий», «наполняющим сердца тайнами» духовном вине.

У Физули самым прекрасным примером, как и в классической поэзии, художественным образом, связанным с духовно-нравственным миром людей, уподоблением поэтическим фигурам иносказательного характера является душа. Душа, и её партнерство с любовью и красотой.

Одновременное наименование произведения «*Hüsn və Eşq*» («Красота и любовь»), и «*Ruhnamə*» («Ода душе») тоже не случайно. Автор в отмеченной в переносном смысле стране – изображении человеческого тела – создает лирические образы по имени «Красота» и «Любовь», в противовес им представляет олицетворяющие противоположные им силы «Болезнь», «Злоба», «Гнев», «Отвращение» и др. Происходящие между ними распри, недоброжелательство, эгоистические претензии стесняют душу пришедшего из мира духов Духа, людская безнравственность его отвращает, и по этой причине он снова возвращается к своей сути [4, с. 15]. В рамках этого краткого сюжета содержится очень серьезная, актуальная для всех времен проблема общества и человека. Однако Физули сумел эту невинную проблему выразить на высочайшем уровне своей оригинальной художественной техникой с простым содержанием и оригинальным сюжетом, подтекстным изображением аллегории. Содержание, внешне выглядящее столь простым, в действительности содержит в себе глубокий философский смысл, определенные эстетические и этические воззрения. Считающееся приемлемым для суфийского мировоззрения средних веков «единство тела» находит свое воплощение именно скрытым языком аллегории.

В «*Fəzliyə nəsihət*» («Наставлении Фазли») через жизнь человека, которая дана в образе всех этапов, с материнского чрева вплоть до взросления и созревания, старости, это учение проявляется в форме художественных образов. Как и во всем творчестве, в аллегориях, в том числе в произведении, о котором идет речь, Физули придал общественное и духовное осмысление природным явлениям, процессу перехода вещества из одного состояния в другое. В классической азербайджанской литературе, как правило, природа приносилась в поэзию в качестве средства общения с человеком. Проблема отцов и детей, противостояние между старостью и молодостью, новым и старым поколением находит свое символическое решение в «*Rindü Zahid*» («Весельчак и аскет»).

Природа и человек превращаются в аллегорический образ, так, присущее человеку переносится на природу, в обществе проявляется единство законов природы. Еще одной характерной чертой аллегорий Физули является то, что аллегория находит себе место в произведениях поэта в различных жанрах; в качестве средства художественного изображения – элемента, а при случае – в форме диалога и дебатов, споров и полемики; в пределах драматической композиции находит свое воплощение в крупномасштабных эпико-лирических произведениях, прозе, а также в таких лирических отрывках, как касыда, кита, газели, рубаи. В кита (жанр классической литературы, по своей структуре схож с газелью, но имеет общественно-политическое, морально-воспитательное содержание), написанном поэтом сыну Фазли, морально-этическим, назидательным взглядам придается образность.

Неживые образы оживляются, наделяются речью, словом, будучи частью человеческой природы, выступают в единство с нею. Как видно из кита, поэт полагал, что целью создателя являлся приход человека на свет и его желание жить впоследствии самостоятельно, Физули считал это закономерностью жизни. Проблемная ситуация развивается как раз в этом направлении. При этом природа в качестве средства художественного изображения составляет идейно-духовное направление существующего произведения. Подобным об-

5. Arasly, G. *Velikij azerbajdzhanskij pojet Fizuli* [Great Azerbaijani poet Fizuli]. Baku, Azerbaijani publishing house of the children's and youthful literature, 1958, 300 p.
6. Kasumzade, F. *Karavan pechali, ili Svet vo t'me* [Caravan of grief, or Light in darkness]. Baku, Azerneshr Publ., 1968, 360 p.
7. Kulizade, M. *Lirika Fizuli* [Lyrics by Fizuli]. Baku, Academy of sciences of Azerbaijan Publishing house, 1965, 475 p.
8. Mir, Dzhalal. *Masterstvo Fizuli* [Fizuli's Artistry]. Baku, ATU Publ., 1994, 249 p.
9. Rustamova, A. *Muhammed Fizuli* [Mohammed Fizuli]. Baku JelM Publ., 1994, 66 p.

У творчості азербайджанських поетів середніх сторліть особливості алегорії реалізують себе з усією тонкістю манери зображення та висловлювання. Поетичні фігури, система символів і іносказань характеризують творчі достоїнства таких поетів, як Насімі, Авхаді, Хатаї, Фізулі та ін. Підтекстне, внутрішньотекстне поняття, відтінки вираження думки кожній художній фігури містять в собі різні трактування, символи. Саме в цьому аспекті, звертаючи увагу на алегоричні фігури самої складної конструкції, художнє зображення і засоби вираження у творчості геніального поета, необхідно бути особливо пильним і уважним.

Ключові слова: поет, Фізулі, алегорія, філософ, вірш.

In this article we tried to study the allegory problems which form the main part of activities of the great Azerbaijani poet and thoughtful philosopher Muhammad Fuzuli. The aim is to show the importance and peculiarities of allegory for creative work of the poet. In this article have been chosen the poet such as «**Bangu – Bade**», «**Sohbatul – asmar**», «**Haft – cam**», «**Saginame**», «**Sahhat and Merez**» (**Ruhname**) «**Admonition to Fazli**».

Key words: Poet, Fuzuli, allegory, philosopher, poem.

Одержано 12.01.2016.